

* * *

Поверить ангелом гармонию я захотел, мой друг,
и душу, словно постороннюю, я выпустил из рук.

И враз прошла моя бессонница, и в сон я впал,
мне ангел рек: давай знакомиться - и руку дал.

И я запел посланцу вешнему, чтоб знал мой гость,
про всё про то, как люду здешнему жить повелось,

о том, как тут с утра до вечера, из года в год,
душа как рыба бьётся, вечная, о жизни лёд.

Как образ, в зеркалах витающий, бессудный вор,
глазами жизни этой тающей пытается взор.

Не часто ангел в гости жаловал на мой чердак,
я гостя песнями побаловал (ведь я мастак),

земную музыку с небесною цветками свив...

Но ангел клятвою чудесною порвал мотив

и от печали, мной навеянной, земных минут,
стоял он смутный и рассеянный, и чуждый тут.

А я глядел с тоскою внутренней во все глаза,
как по щеке его по утренней бежит слеза.

Мой ангел, не дослушав песенки, крылом повёл
и по небесной шаткой лесенке покинул дол.

Куда вернулся этот снег

*В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом –
Бореева кума,
Катит в санях Зима.*

Г.Р. Державин

В светлом завтра не рай - но стерильное снежное поле,
где нет места предметам, где покой спиртуозных пустот –
там всегда хорошо! там новейших времён Геродот
не посмеет напомнить о пролитых кровях (пусть, что ли,
он в монахи уйдёт).

Но, как тушь по щеке (сколько ж водки ты выпила, дева?)
потекли тротуары солёные, тронулся люд,
то ль Европа на Азию чистое что-то надела,
то ли Азия прёт на Европу, как белый верблюд –
время выкрикнуть *слово и дело*.

На Москве снег не помнит родства, подвизаясь тут между
небом сталинских башен и дырою в ботфорте бомжа.
Чистоплотный, воздушный, он всё же вернулся, дрожа –
шитый белыми нитками снег, убеливший надежду.
Вдруг пропала межа

между прошлым и сущим, запутаны сны и границы – это время, желая вздремнуть (прочь, языческий грек!) наплывает, с церковкою древней, на спальню столицы. Глянь в окно: в головах белый берег, в ногах – белый брег. Свет мечты и последней больницы.

Что ж, всё будет, ну да, хорошо! – это значит всего лишь, что всё будет как прежде. Но сегодня особый денёк: в первый снег, скажем так, по-любому ты не одинок, ты сегодня себе даже мыслить беспечно позволишь - не свались только с ног.

В снежный день на Москве самый главный начальник – гаишник, и не в небе авария: перебуравив ряды, две машины всё утро (и в каждой, по виду, опричник) выясняют *кто круче*, отбросив причину беды – *мерседесу* подмяли наличник.

Легче помнить о будущем. Кончились летние гонки. Механизм прозрачных часов возмутился, как встарь - наполняется ватой бетонный неряшливый ларь. Время вспять повернулось, но сломанный зуб шестерёнки знает свой календарь.

Если вспомнить про всё, то с ума вдруг сойдут эти люди и деревья в посконных рубахах, и кошка, и тот карлик-бомж, раскопавший бутылку в помоечной гряде. Чем он схож с Геродотом? Да тем, чтоб без нужды бредёт от болячки к любимой простуде.

2003

* * *

Должно быть, слишком много я ночей глазел во тьму сквозь жизни затиханье, и слишком часто был тогда ничей с кружащими мне голову стихами,

что, мрака приобщившись, книгочей, в мольбах о сне, как нищий о сезаме, в людьми забытом прозреваю храме среди прогорклых, гаснущих свечей.

Да, в темноте я вывел эти строчки,
боясь свихнуться, подбираясь к точке,
распавшееся бытие листая.
И выход, ясно видимый во тьме,

внушает мысль о клетке, о тюрьме,
в которой заперта людская стая.

2008. Auckland

Солнце Атлантики

Горящий шар вдавился в океан -
не зашипев, не расплескав ни капли,
и провалился в область нижних стран,
где кактусы расставлены. Уж так ли
был нужен свет на ближнем маяке
зажёгшийся с поспешностью? Ведь кстати
рукой дотронувшись (нечаянно) к руке
и твоему бедру в атласной юбке,
став капитаном в капитанской рубке,
я предложил покинуть этот брег:
всё стало чёрным - дюны, сосны, бег
поспешных мыслей (глупо молвить: дум)
и воздух сам, и океана шум.

А годом позже, в дальнем далеке,
на ярком взморье противоположном,
вдруг вспомнив, как о чём-то невозможном -
да – о тебе, я принял, словно дар,
возшедший в небо *наш* горящий шар.

* * *

В небе над Москвою, в вышине,
так что не увидишь ни в бинокль,
ни в кулак, ни в телескоп (во сне,
может, кто-то, испутивши вопль,
вдруг увидит) в головах народов
среди клякс, подтёков и разводов,
среди птичек, тучек и дождя,

между запятых, тире и точек,
между солнцем и луною, ни гвоздя,
ни прищепки даже не найдя –
сам собою держится крючочек,
мировых ветров презрев поток:
а на нём висят, чтоб было страшно,
с золотым окольшем фуражка
(козырьком копируя восток),
да колючей проволоки моток.

Арион

Пылал открытый океан.
Весь день жара, и не клевало.
За горизонтом спал обман,
затянутый в ремень Урала.

Скала горячая меня
не понесла в ту даль сквозь дрёму.
Там, где был свет – уж нет огня.
И чёлн разбит, бежавший к дому.

Ах, хоть один бы удалец
вдруг вышел из пучины ярой
с бутылкой водки и гитарой...
Лишь я, таинственный певец,
гляжу в морской простор подолгу,
хоть гимнов прежних не пою
и ризу влажную мою
сменил на потную футболку.

Auckland. 2015